

К. Биркин

Генрих IV

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
К11

К. Биркин
К11 Генрих IV / К. Биркин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 54 с.

ISBN 978-5-4241-2390-0

Кондратий Биркин - псевдоним известного русского историка XIX в. Петра Петровича Каратыгина, автора популярных среди его современников сочинений, мистических и исторических романов, ставших сегодня библиографической редкостью.

ISBN 978-5-4241-2390-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© К. Биркин, 2021

Кондратий Петрович Биркин
Генрих IV

Госпожа де Сов. – Фоссеца. – Прекрасная Коризанда. – Габриэль д'Эстре. – Генриэтта д'Антраг. – Шарлотта Конде (1573–1610)

Любовь есть страсть, которой все прочие обязаны повиновением.¹

Если читателю угодно иметь самое верное понятие об изменчивом и разнобразном образе правления, установившемся во Франции с 1789 года, ему стоит только представить себе стеной барометр с циферблатом, на котором слова: *великая сушь, ясно, переменно, буря* заменены символами республики, империи, королевской власти деспотической и ее же конституционной, – фригийский колпак и красное знамя; орел и знамена трехцветные; петух и белое знамя с лилиями, – опять трехцветные знамена и скрижали конституционной хартии. Более или менее продолжительная остановка стрелки этого политического барометра (вместо ртути налитого не менее живую французской кровью) в прямой зависимости от терпения великой нации, а может быть, даже и от перемен погоды, судя по тому, откуда ветер подует. Устроен этот барометр около сотни лет тому назад, но, по-видимому, прослужит Франции еще многие лета. Роковая стрелка на *республике*– Франция поет «Марсельезу» и строит баррикады; с политической революционной бури стрелка переходит на хорошую погоду *империи* – и Франция в медвежьей шапке наполеоновского гвардейца грозит Европе, напевая: «*l'astre des nuits*» или «*partant pour la Syrie*». ² Но вот наполеоновский орел (хотя и прирученный куском говядины в шляпе) мало-помалу становится для Франции прометеевским коршуном; он клюет ей печень, высасывает из нее самые лучшие соки – и барометр падает, стрелка показывает перемену. Действительно перемена – костюмов и декораций! Франция меняет орла на петуха, трехцветное знамя на белое, заветный N и золотых пчел – на золотые лилии и поет другую песню: «*Vive Henri IV...*» Надоедают ей, однако, и песня, и лилии, и петух, и белые знамена; видит Франция, что правление Бурбонов – видоизменение наполеоновского капральства, и добывает откуда-нибудь нового короля из запасной орлеанской династии; короля – либерала на словах, деспота на деле, и... после засухи деспотизма опять является буря на французском барометре.

Кроме знамен, гербов и символов, у каждого образа правления свой кумир. У легитимистов, любителей королевской власти во вкусе *renaissance*, три идола – вроде индийских Браммы, Вишну и Шивы; трое королевей-волоки, к которым легитимисты питают религиозное благоговение, окружая их мишурными ореолами незаслуженного величия – Франциск I, Генрих IV и Людовик XIV. У каждого из этих трех кумиров своя фраза, если не бессмертная, то бессмысленная...

У Франциска I знаменитое: «Все пропало – кроме чести» (о чем мы уже говорили с читателем); у Людовика XIV: «Государство – я» (*l'etat – c'est moi*) и «Нет более Пиренеев» (*il n'y a plus de Pyrenees*); у Генриха IV, самого популярного из трех, – обещание курицы в суп беднейшему из своих подданных. Эту курицу ближе всего можно сравнить с газетной *уткой*; не дождался ее, да едва ли когда и дождется бедный холостяк, геральдический французский петух. Фраза Генриха IV превращается даже в ядовитую иронию, если вспомнить, что этот добрый король, осаждая Париж, морил его голодом. Хлеб, который он будто бы посылал осажденным, вращен в воображении поэтов и льстецов историков. Ничего подобного не было; парижане во время осады с мая по сентябрь 1590 года вместо хлеба питались лепешками из толченого грифеля с примесью муки из костей

скелетов, отрытых на городских кладбищах (pain de Madame de Montpensier); падала почиталась лакомством; до ста тысяч человек умерло от голоду и эпидемий; вследствие гниения непогребенных трупов в Париже появились ядовитые змеи...³

Незлопамятный народ французский, позабыв о голоде, которым его морил Генрих IV, помнит только курицу, им обещанную; народ-фразер за красное или «жалостное» слово прощает многое, и курица Генриха IV мила французам не менее наполеоновского орла, и король велик, бессмертен, незабвенен. В Генрихе каждый француз видит себя самого; Генрих – тип истого сына великой нации и вследствие этого – *велик!*

Немного же надобно, чтобы во Франции удостоиться титула *великого*. Мы, однако, не можем примирить величия с теми пороками, которыми природа оделила Генриха IV в пропорции бочки дегтю к ложке меду. Его двоекратное отречение от кальвинизма, трусость, нетвердость в слове, плутоватость в игре, чтобы не сказать – склонность к воровству, наконец, сластолюбие, доходившее до забвения достоинства и человеческого и королевского, – все эти свойства характера Генриха IV с истинным величием как-то плохо ладятся! А чтобы читатель не счел наши слова за клевету, укажем на факты, записанные историей.

Трусость Генриха доказывается не бегством его из Парижа, не прятками его во время Варфоломеевской резни – она обнаружилась в битве при Иври 14 марта 1590 года, когда на будущего победителя напал панический страх, почти лишивший его возможности держаться в седле. Ударяя себя кулаками под бока, Генрих твердил сквозь зубы, шелкавшие от лихорадки: «Вперед, вперед, поганый одер!» (Avance, avance done, vilaine carcasse!). Легко может быть, что и настоящие герои внутренние праздновали труса в сражениях, но только этого не выказывали.

В нетвердости в слове Генриха уличают его письменные обещания любовницам Габриэли д'Эстре и Генриэтте д'Антраг жениться на них, чего, благодаря стараниям Сюлли, исполнено не было. Обольщать женщин подобными обещаниями неприлично даже какому-нибудь писарю или денщику, королю же, и тем более *великому*... странно!

Забавляясь карточной игрой, великий король не только плутовал, но – без околничности – крал чужие ставки со стола. Однажды, играя с Бассомпьером, Генрих подменил выигранную маршалом кучу пистолей таковою же, составленною из полупистолей. Заметив этот подлог, Бассомпьер выбросил весь свой выигрыш за окно стоявшим в карауле солдатам, заменив ее на игорном столе новой, из собственного кармана. Свидетельница этому Мария Медичи сказала Генриху: «Вы с маршалом поменялись ролями: он отлично представил короля, а вы – простого солдата!» Тому же Бассомпьеру, частому своему партнеру, король не один раз говаривал: «Хорошо, что я король, а то за мою нечистую игру быть бы мне давно на виселице!»

Это признание, конечно, делает честь откровенности Генриха IV, но сами плутни не делают ему чести... Снимите этого великого короля с плеч его живого пьедестала – истинно великого, благородного Сюлли, – и перед вами явится самый обыкновенный человек; но в этом-то и вся заслуга Генриха... Да, он был *человеком* на троне после двух демонов, Карла IX и Генриха III, руководимых достойной их матерью, Екатериной Медичи. Мученическая смерть Генриха от руки Равальяка, бесспорно, примиряет до известной степени с его жизнью, но кровь короля, во всяком случае, не может смыть многих грязных страниц истории

его царствования. Именно об этих страницах мы и поговорим теперь; поговорим беспристрастно – не оправдывая, не обвиняя. Перед нами теперь Генрих IV – живой, но не умерщвленный Ра-вальяком и через сто восемьдесят три года (1793) не исторгнутый яростной чернью из своей могилы в Сен-Дени – страница неизгладимо позорная в истории французского народа!..

В моцартовском Дон-Жуане Лепорелло, перечисляя жертвы своего господина, развертывает саженный свиток, представляющий в итоге 1003 (*milla e tre*). Точно таким же – хотя и менее баснословным – списком приходится и нам начинать наш очерк сердечных подвигов державного французского Дон-Жуана. *Пятьдесят шесть!* – произносим мы голосом Лепорелло; имена же фавориток следующие.

1573–1576: 1) *Шарлотта де Бон-Самблансе – госпожа де Сов – маркиза Нуармутье* (Charlotte de Beaune Samblançay, dame de Sauve, marquise de Noirmoustier); 2) Жанна дю Монсо де Тигонвилль, впоследствии графиня Панжа (Jeanne du Monceaux de Tigonville, comtesse de Pangeas).

1578: 3) Дайэлла, фрейлина Екатерины Медичи, гречанка-киприотка; 4) в Ажене: Екатерина дю Люк; 5) Анна де Бальзак де Монтэгу (Anne de Balzac de Montaigu); 6) в Ажене: Ар-нольдина.

1579: 7) Мадемуазель де Ребур, 8) Флёретта, дочь садовника в Нераке, 9) *Франциска де Монморанси-Фоссе* (Franchise de Montmorency-Fosseux); 10) госпожа Спонд; 11) девица Марокен; 12) Ксента, горничная Маргариты Наваррской; 13) булочница в Сен-Жан; 14) госпожа де Петонвилль; 15) Бавересса; 16) девица Дюра; 17) Пикотен, булочница в По; 18) графиня Сен-Мерген (Le Sain-Maigrin); 19) кормилица в Капель-Жалу; 20) две сестры де л'Эпсе (De l'Ersee).

1582–1591: 21) Диана д'Андуэн, графиня Грамон, прозванная *Прекрасною Коризандою* (Diane d'Andouins, comtesse de Gramont, dite la belle Corisande); 22) Мартина; 23) Эсфирь Имбер (Imbert) в Ла-Рошели; 24) Антуанетта де Пон, маркиза Гершвилль, впоследствии графиня Лианкур (Antoinette de Pons, marquise de Guercheville, comtesse de Liancourt) с 1589 по 1590 год. Любовь платоническая и неудачная; 25) Екатерина де Верден – монахиня Лоншана, впоследствии аббатиса в Верноне; 26) Мария де Бовийе, аббатиса монастыря Монмартр; 27) Мария Бабу де ла Бурдэзьер, впоследствии виконтесса д'Этож, двоюродная сестра Габриэли д'Эстре.

1591–1599: 28) *Габриэль д'Эстре – госпожа де Лианкур – маркиза Монсо – герцогиня де Бофор* (Gabrielle d'Estree, dame de Liancourt, marquise de Monceaux, duchesse de Beaufort); 29) и 30) ее родные сестры: Юлиана Ипполита д'Эстре, маркиза, а впоследствии герцогиня Виллар, и Анжелика д'Эстре, аббатиса в Мобюиссоне; 31) госпожа де Монтобан; 32) Ла Гланде – куртизанка; 33) девица д'Аранкур; 34) девица де Сенант – из того же разряда.

1599–1610: 35) *Генриетта де Бальзак д'Антраг, маркиза де Вернейль* (Henriette de Balzac d'Entraques marquise de Verneuil); 36) графиня Лиму; 37) Жаклина де Бейль, графиня Море (1604/1610); 38) госпожа Ланери; 39) госпожа Мопу; 40) Шарлотта Фулебон, впоследствии супруга Франциска Барбетьер-Шемеро; 41) куртизанка Бретолина; 42) герцогиня де Невер (неудача); 43) герцогиня Монпансье (тоже); 44) Екатерина де Роган, герцогиня Цвейбриккенская (рассердилась на любезное предложение короля); 45) мадемуазель де Гиз, принцесса Конти, сочинительница памфлета «Возлюбленные великого Альканд-

ра» (*Les amours du grand Alcandre*); 46) госпожа Клен или Келен, жена парламентского советника; 47) мамзель Фаннюш – уличная камелия; 48) супруга сборщика податей госпожа де Буанвилль; 49–53) госпожи: Аарссен, де Со, де Раньи, де Шанливо, Камю де Понкарре.

1604–1610: 54) Шарлотта дез'Эссар, графиня Ромартен;

55) *Шарлотта Маргарита де Монморанси, принцесса Конде*;

56) девица Полэ (Paulet).

Прибавив к этому числу первую супругу Генриха Маргариту Наваррскую, знаменитую *королеву Марго* – французскую Лукрецию Борджа, – получим 57: число лет жизни Генриха IV. На эту странность обращаем внимание охотников до каббалистических выкладок; пусть ради забавы присоединят эту роковую цифру к числам 4 и 14, игравшим такую важную роль в жизни родоначальника Бурбонской династии.⁴

Цифирные фокусы, конечно, очень занимательны; в них досужее суеверие может даже найти себе лакомую пищу, но мы, не останавливаясь на подобных пустяках, скажем несколько слов об иных цифрах, не каббалистических, но тем более заслуживающих внимания. С 1574 по 1610 год, в течение двадцати шести лет, у Генриха IV было пятьдесят шесть фавориток. Любопытно знать, во сколько обошлись Франции эти удовольствия? Не говорим о какой-нибудь горничной Ксенте или о мамзелях вроде Баверессы, Ла Гланде, Бретолины, Фаннюш и им подобных; на этих госпож и тогда, как теперь, была своя такса. Кроме куртизанок и горничных королю продавали ласки графини, виконтессы, маркизы, принцессы, аббатисы, знавшие себе настоящую цену; мужья сводили его со своими женами, матери и отцы – с дочерьми. Не скупился король на золото, подарки; щедрился он на поместья, майораты, на чины и титулы, которыми награждал услужливых братьев, отцов и мужей, настоящих и подставных. Сумма всех этих щедрот может представить цифру весьма почтенную; данные же для составления этой суммы можно найти в записках Сюлли и во многих других мемуарах того времени.

Женитьба Генриха на Маргарите Валуа – дело адской политики Екатерины Медичи – породнила честный дом на-варрских Бурбонов с французским лупанаром. Умной Жанной д'Альбре (как мы видели) руководили расчет и надежда со временем видеть сына на французском престоле – честолюбие извинительное в доброй и нежной матери. Екатерина Медичи замышляла другое. Она, призывая гугенотов на брачное празднество короля наваррского, готовила им предательскую западню Варфоломеевской ночи; она оттачивала ножи и топоры убийц под звуки бальной музыки... Прологом кровавой трагедии были песни, пляски, а за ними – отравление Жанны д'Альбре, убийство Колиньи и резня гугенотов. Мог ли быть прочен и надежен брачный союз, заключенный при такой страшной обстановке? Генрих и Маргарита шли к алтарю скрепя сердце, с обоюдным отращением, чтобы не сказать ненавистью.

Говорят, будто несходство характеров – главный источник супружеских раздоров... неправда! В короле Наваррском и его супруге видим совершенно противное; редко можно было найти людей, у которых в характере было бы так много родственного сходства; как в нем, так и в ней одни и те же достоинства и пороки одни и те же. Он был влюбчив – она тоже; Генрих за женскую ласку готов был отдать честь, жизнь, весь мир – и Маргарита не задумывалась над принесе-

нием этих же самых жертв своим многочисленным любовникам. Шалости и волокитство неприметно довели мужа и жену до распутства, распутство доводило их и до преступлений... Новейшие проповедники женской эмансипации, быть может, сочтут наши слова лицемерием, но, по крайнему нашему разумению, порок, терпимый в мужчине, отвратителен в женщине: подвыпивший мужчина никогда не возбудит того омерзения, которое внушает нам пьяная женщина. То же самое и во всяком пороке. Генрих, молодой страстный беглец, воспитанный матерью в страхе Божием, не мог устоять от искушения французского двора Карла IX и Генриха III; мы его не извиняем, только оправдываем... Знаменитая королева Марго не заслуживает ни извинений, ни оправданий. Достойная дочь Екатерины Медичи, она родилась развратной, всосала с молоком матери неутолимое сладострастие, выросла в атмосфере, пропитанной пороком. Двенадцати лет она впервые вкусила заветный плод любви чувственной, и с этого возраста ревностно служила Венере, своему единственному божеству. Антраг, Шаррен (или Шарри) хвалились победою над пламенным сердцем Маргариты-отроковицы, но эту честь могли оспорить у них братья Марго: Карл IX, Генрих III, Франциск, герцог Алансонский и, кроме братьев, герцог Генрих Гиз Порубленный, друг детства Маргариты, ее бессменный сверстник в играх и забавах. Маргарита любила его до самой роковой катастрофы в Блуа, которую, как мы уже говорили, безуспешно пыталась отклонить, предупреждая Гиза об угрожавшей опасности. Немедленно по выходе Маргариты за Генриха Наваррского Гиз возобновил с нею прерванную связь, смеясь и издеваясь над простоватым беглецом, который со своей стороны умел кстати зажмуриться или глядеть сквозь пальцы на проделки жены. Если римский Брут прикидывался сумасшедшим, почему Генриху Наваррскому было не прикидываться простаком, повесой, добродушно махнувшим рукою на все и на вся и думавшим единственно об игре в лапту, об охоте и любовных приключениях?

Навлекая на себя этой странной тактикой негодование гугенотов и презрение католиков, он спасал себе жизнь и вместе с тем тихонько прокрадывался к королевской короне. Раблепствуя перед Екатериной, потворствуя преступным шалостям своей жены, лавируя между Сциллой и Харибдой, Генрих особенно подружился с самым ничтожным из всех своих трех шуринов, Франциском Алансонским. Шурин, зять и сестрица составили самый согласный триумvirат, на который, однако же, обратила внимание Екатерина Медичи, предугадывая в нем опасность, гибельную ее намерениям. Верная завету Макиавелли: вселяй раздор, и властвуй (*divide et impera*), – флорентинка поручила своей фрейлине госпоже де Сов и любимцу Генриха III дю Гасту (*du Guast*) во что бы то ни стало разладить мужа с женою и шурином. Все фрейлины двора королевы-матери, как мы уже говорили, душою и телом служили ее видам и замыслам, но госпожа де Сов любила *искусство для искусства* и, по словам историка Мезерэ, «прелестями своими служила не столько намерениям королевы, сколько своему собственному удовольствию, играя сердцами своих поклонников так ловко, что никогда не бывала в проигрыше и имела неистощимый запас обожателей». Эта прелестная дама, супруга государственного секретаря, была счастливой соперницей Маргариты (или, как ее называл Карл IX, *толстухи Марго*), пользуясь благосклонностью державных ее братьев, наконец, и мужа, которого вместе с герцогом Алансонским прибрала к рукам. Тонкий, лукавый дипломат в своих отноше-

ях к французскому двору, Генрих Наваррский на этот раз бросился в западню, расставленную ему коварной Цирцеей, и, согласно желаниям Екатерины Медичи, рассорился с герцогом Алансонским чуть не до поединка. Госпожа де Сов, принимая у себя в будуаре и зятя, и шурина, тому и другому клялась в неизменной верности; зятю наговаривала на шурина, шурина – на зятя, мужу – на жену. Генрих, не питавший к Маргарите иных чувств, кроме холодной дружбы, заменил ее презрительным равнодушием. Глубоко обиженная Марго, чтобы не остаться в долгу, выбрала себе другом Бюсси д'Амбуаза, главного коновода партии Алансонского. В своих записках она уверяет, что отношения их были безукоризненны, чему, разумеется, нельзя верить.

Преемник несчастного Ла Моля, удалец Бюсси, сын своего времени, был способен на что угодно, кроме нежных воздыханий и платонической любви. В те времена любить женщину значило обладать женщиной; о любви платонической проповедовали только тогдашние романисты и поэты. Душевно преданный герцогу Алансонскому, Бюсси в объятиях Маргариты нашел достойную награду за свою преданность. О связи с ним королевы наваррской дю Гаст довел до сведения ее мужа. Генрих, занятый госпожой де Сов, не повел и ухом. Генрих III и Екатерина надеялись, что беарнец будет мстить Бюсси, и жестоко ошиблись. Тогда дю Гаст (с их согласия, разумеется) выбрал из своего сардинского полка триста человек отчаянных головорезов, велел им ночью напасть на Бюсси и его товарищей. Эта горстка молодцов выдержала натиск злодеев; раненый, Бюсси защищался, как лев, и посланные дю Гаста бежали. На другой день победитель явился в Лувр, неизменно веселый, любезный, будто после потешного турнира. Дорого поплатился дю Гаст за свой неудавшийся разбойничий умысел. 30 октября 1575 года, часу в десятом вечера, когда он больной лежал в постели, в его спальню вломилась толпа замаскированных людей, предводимая Вильгельмом дю Пра, бароном де Ватто; шпаги их и кинжалы не дали промахов: шпион погиб честной смертью Юлия Цезаря. Маргарита назвала гибель дю Гаста «судом Божиим», и это было бы действительно так, если б барон де Ватто действовал не по ее поручению.

Вечером 15 сентября 1575 года Франциск, герцог Алансон-ский бежал в свой удельный город Дрё, откуда прислал в Париж манифест в оправдание своему поступку с выражением своих притязаний. Генрих III и Екатерина в бессильной ярости не знали, за что взяться; Маргарита слегла в постель, заболев лихорадкой от страха за нежно любимого брата; милый король наваррский тоже лежал... у ног госпожи де Сов, осыпая беглеца упреками и насмешками, которыми маскировал свое решительное намерение последовать его примеру. Усыпив бдительность флорентинки и Генриха III, король наваррский 3 февраля 1576 года под предлогом поездки на охоту в Санлис с небольшой свитой приверженцев своих ускакал по вандомской дороге в Алансон, оттуда пробрался в Мэн, Анжу, где открыто присоединился к партии Конде и опять перешел в кальвинизм, от которого отступился после Варфоломеевской ночи. Мнимый простак перехитрил умную флорентинку, лукавого ее сына и коварную госпожу де Сов, из сетей которой наконец вырвался.

На этот раз за все про все поплатилась ни в чем не виноватая Маргарита. Королева-мать и король-братец, обрушив на нее свою ярость, обошлись с ней как с пленницей, приставив стражу к ее дворцу. Для них Маргарита была драгоцен-

ным залогом при тех враждебных отношениях, в которых находились теперь к Генриху III его брат и зять. Король наваррский, равнодушный к жене во время пребывания своего в Париже, теперь в письмах своих из Гаскони прикинулся чрезвычайно нежным и внимательным, прося Маргариту, между прочим, подробно сообщить ему обо всем, что делается и замышляется при дворе. Дружбы ради королева наваррская охотно взяла на себя роль шпионки, донося обо всем обоим беглецам, то есть мужу и Франциску Алансонскому. Желая во что бы то стало воротить последнего ко двору, Генрих III решил вступить с ним в переговоры. Посредницей была сама Екатерина; она ездила к Франциску, но, холодно им принятая, истощив весь запас лести и заманчивых обещаний, возвратилась в Париж ни с чем. Быть примирительницей враждующих братьев попросили Маргариту, и она с удовольствием взялась за это трудное поручение. Чего не сделала мегера, то удалось сирене. Франциск, обольщенный ласками сестры (ласками далеко не родственными), возвратился в Париж, как блудный сын в дом отчий. Генрих III принял его с умиленным радушием, Екатерина – со слезами радости; тот и другая смотрели в глаза герцогу Алансонскому, предупреждая, предугадывая малейшие его желания. По этим ласкам Франциск мог заключить, что на этот раз ему не так-то легко будет вырваться из этих предательских объятий. Маргарита в награду за удачное исполнение данного ей поручения просила мать и брата отпустить ее к мужу вместе с присланным за нею Жениссаком. Ей отвечали отказом, посланного приняли с грубостями, приказав ему сказать мужу Маргариты, что он не увидит ее до тех пор, покуда не перейдет в католицизм. Желая утешить Маргариту, ей предложили прокатиться в чужие края, на воды, и она, ссылаясь на недавнюю болезнь, выбрала Спа, куда и отправилась в сопровождении княгини Рош-сюр-Ион. Эта поездка была не столько полезна ей в санитарном отношении, сколько герцогу Алансонскому в отношении политическом. Во время своего пребывания во Фландрии Маргарита сумела расположить в пользу брата партию недовольных испанским владычеством, обещавших ей в случае надобности не только дать ее брату надежный приют, но даже избрать его в предводители готовившегося восстания. Это обещание, льстившее честолюбию герцога Алансонского, пришлось как нельзя более кстати. По возвращении в Париж Маргарита вместо прежнего согласия между матерью и примирившимися братьями нашла страшную разладицу. Генрих III, обвиняя герцога Алансонского в измене и злых умыслах, теперь обходился с ним как с пленником, вместо объятий его держали чуть ли не за ворот. Смягчив по возможности его незавидную участь, ручаясь головой королю и королеве-матери за благонадежность Франциска, хитрая Маргарита с помощью Бюсси д'Амбуаза занялась приготовлениями к побегу узника во Фландрию. В пятницу 14 января 1578 года герцог Алансонский, Симье и Канже с помощью Маргариты, трех ее горничных и верного слуги по веревочной лестнице спустились из окна темницы в ров, откуда бежали в аббатство Святой Женеьевы, где их ожидал верный Бюсси. Во Фландрии брат Генриха III не был ему опасен, и король, радуясь, что сбыл с рук опасного врага, нимало не сердился на Маргариту за ее содействие побегу Франциска. Главной причиной последней распри между братьями была не боязнь короля французского честолюбивых замыслов герцога, а возобновленная последним связь с госпожой де Сов, одновременно устаивавшей и короля своей благосклонностью. До гроба верная правилу не лишать своей ласки ни единого

мужчины при дворе — от короля до камер-лакея включительно, эта госпожа имела честь после герцога Алансонского быть любовницей Генриха Гиза. В бытность свою в Гаскони с Екатериной Медичи она пыталась пробудить в сердце короля наваррского прежнюю страсть, но он, как увидим, уклонился от этой каменции, выбрав цветок посвежее и привлекательнее.

Прежде нежели мы возвратимся к рассказу о любовных подвигах героя нашего очерка, окончим обзор любовных похождений его супруги до отъезда ее в Гасконь. С 1575 по 1578 год сердцем ее нераздельно владел удалой Бюсси, который, проводив свою возлюбленную, не теряя времени, нашел новый предмет обожания в лице графини Дианы Монсоро. Муж красавицы, взяв пример с Гиза, поступил с Бюсси точно так же, как тот — с графом Сен-Мегрен. Заманив любовника жены в свой замок, Монсоро выпустил на него целый отряд убийц, будто стаю бешеных собак на кабана. Долго отбивался Бюсси от этих душегубцев — сначала шпагою, потом ее обломком, наконец, стульями и скамьями, попадавшими ему в комнату под руку... Израненному, полумертвому, ему удалось добраться до окна и выскочить во двор, где он повис на копьях решетки и был безжалостно дорезан. Так погиб 19 августа 1579 года храбрец, достойный лучшей участи, но такова уж была роковая судьба любовников Маргариты, погибавших большей частью насильственной смертью, начиная с бедного Ла Моля и оканчивая Обиаком. Обычная фраза: «Я готов отдать за тебя жизнь!» — неизбежная в устах влюбленных, у фаворитов королевы наваррской была пророчеством. Дорого обходились им ласки Маргариты. Нам в нашей книге так часто случалось и еще не один раз случится обвинять драматургов и романистов в искажении исторических фактов и личностей, что мы не можем здесь отказать себе в удовольствии отдать должную справедливость талантливому Дюма, автору великого множества исторических романов, издавна знакомых нашим читателям. Учиться французской истории по романам Дюма было бы, конечно, смешно и дико, тем более что у него вымысел и правда всегда весьма искусно сплавлены в нераздельную амальгаму; но нельзя не признать за ним и той заслуги, что он своими рассказами спас от забвения немало замечательных исторических личностей. Без *королевы Марго* и *графини Монсоро* едва ли большинству читающего мира известны были бы де Ла Моль, Коконна и Бюсси д'Амбуаз — любопытные типы истых французских дворян шестнадцатого века со всеми их достоинствами и пороками. В драме своей «Генрих III и его двор» (Henri III et sa cour) Дюма почти без изменений мастерским пером изобразил историю красавчика *Сен-Мегрена*, а в упомянутых романах полной рукой черпал из записок л'Этуалья, Маргариты, Брантома и истории д'Обинье. Если исторические романы Вальтера Скотта можно назвать фотографиями, то произведения Дюма имеют полное право на имя исторических картин, написанных яркими и далеко не блеклыми красками.

В течение двухлетней разлуки со своей супругой Генрих Наваррский не оставался перед нею в долгу и усердно, не менее Маргариты, служил Эроту и Венере. В 1576 году влюбчивые его глаза остановились на дочери госпожи Тигонвилль, наставницы его сестры. Эта «девочка», как ее называет д'Обинье в своих записках, полудитя, главную заманчивость которой составляли невинность и неопытность, не на шутку отвлекала Генриха от занятий делами поважнее волокитств и любовных проказ, до которых король наваррский был вообще так падак. Сначала он обратился с просьбой помогать ему к суровому д'Обинье,